

18+

ЕЛЕНА РУДАКОВА

Мой терновый венец

Елена Рудакова
Мой терновый венец

<https://litres.ru/74428318>

ISBN 9785007104739

Аннотация

Эта книга родилась из боли, усталости, любви и внутренней тишины. Для всех, кому сейчас тяжело и одиноко на этом жизненном пути.

Содержание

Глава 2. Деньги кончились ещё вчера	12
Глава 3. Сын собирает вещи	19
Глава 4. Муж далеко Иногда мне говорят — Ну у тебя же муж есть. И я каждый раз не знаю, как на это ответить. Потому что по документам, по памяти, по старым фотографиям — да, есть. А по жизни пока нет Муж далеко и не рядом Человек есть и одновременно его нет. Он где-то живёт свою жизнь, а вечером никто не спросит меня — Ты чего такая? Никто не поведёт Диму в садик Никто не скажет — Я разберусь Сначала было много всего: злость, обида, жалость, любовь, ненависть С детьми это отсутствие чувствуется особенно — А папа когда придёт? — спросил однажды Дима И я застыла с полотенцем в руках Что тут скажешь четырёхлетнему ребёнку? С Кариной всё сложнее Она понимает слишком много — Мам, ты его всё ещё ждёшь? — спросила она как-то вечером — Не знаю, — ответила я честно Иногда я злюсь на него за то, что оставил меня одну со всем этим А иногда вспоминаю голос, шаги, какие-то наши старые шутки — и во мне	22

остаётся нежность, которую я не умею до конца убить Наверное, самое взрослое чувство — это когда в человеке одновременно живут и обида, и тоска, и остатки любви Поздно вечером я нашла старую его футболку на верхней полке шкафа. Совершенно бесполезная вещь. Но я держала её в руках так, будто она может мне что-то объяснить И поняла больше всего я устала быть единственной взрослой в доме. А что поделаешь? Я буду ждать его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Мой терновый венец

Елена Рудакова

© Елена Рудакова, 2026

ISBN 978-5-0071-0473-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Это книга о той правде, о которой редко говорят вслух.

Меня зовут Елена. Я веду канал с дурашливым названием «ФрОськИн дНеВнИк», потому что когда-то мне казалось, что если посмеяться над жизнью первой, то ей будет не так интересно бить в ответ. Ошиблась. Жизнь юмора не оценила. У меня трое детей. Карине двадцать. Она уже взрослая, по паспорту точно. По сердцу — всё ещё моя девочка, которая иногда смотрит на меня так, будто я должна знать ответы на все вопросы. Диме четыре. Он ходит в садик, любит машинки и иногда так крепко меня обнимает, что я боюсь расплакаться прямо у него на плече. Старший сын далеко, и каждая мысль о нём живёт во мне как отдельная боль.

Муж у меня тоже есть. Вроде бы. Только толку от этого «есть» немного. Он далеко и не рядом, а в доме от его присутствия остались только воспоминания, старые вещи да

незакрытые вопросы. Денег не хватает. Не в том смысле, как говорят: «Ой, до зарплаты бы дотянуть». А по-настоящему. Когда стоишь в магазине и считаешь в уме, что важнее: молоко, порошок или сосиски. Я убираю квартиры посуточно. Чужие постели, чужая посуда, чужие волосы в ванной, чужой запах духов, перегара, дешёвых сигарет и чужой жизни, которая закончилась ровно в полдень, когда жильцы съехали, а ты пришла наводить порядок.

Я проснулась уставшей.

Не сонной — именно уставшей. Как будто не спала, а всю ночь таскала на себе мешки с цементом, чужие тревоги, недосказанные разговоры и собственную жизнь. Такое у меня теперь часто. Открываешь глаза, а внутри уже нет ни запаса, ни тишины, ни утренней чистоты. Сразу — тяжесть. Сразу — надо.

За окном было ещё серо. Тот самый час, когда ночь уже отступила, а утро ещё не решилось начаться. Я лежала и слушала-слушала тишину квартиры. Тишина в доме всегда разная. Иногда мягкая, почти добрая. А иногда — как сейчас — настороженная, натянутая, будто стены тоже знают, что впереди ещё один трудный день и лучше лишний раз не скрипеть.

Я повернулась на бок и посмотрела на телефон. Экран молчал. Никаких сообщений. Никаких новостей. Ни хороших, ни плохих. И от этого было даже не легче. Когда ждёшь

чего-то важного, молчание не успокаивает. Оно просто растягивает тревогу, как резину.

На кухне, я знала, меня уже ждёт вчерашняя кружка в раковине, почти пустой пакет молока, хлеб, который надо дотянуть ещё на день, и список дел, от которого внутри сразу начинается ныть. Дима утром опять, скорее всего, не захочет в садик. Карина будет делать вид, что взрослая и ей всё равно. Старший сын... Нет. Об этом с утра я стараюсь не думать. Не всегда получается.

Иногда мне кажется, что моя жизнь давно разучилась начинаться. Она просто продолжается с того места, где вчера закончилась усталость.

Я встала не сразу. Полежала ещё минуту, собирая себя по кускам. Это тоже стало привычкой — перед тем как встать, нужно сначала внутренне согласиться жить дальше ещё один день. Не в большом смысле, а в бытовом. Умыться. Поставить чайник. Найти детские носки. Ответить, если кто-то напишет. Не развалиться хотя бы до вечера.

Пятки коснулись холодного пола, и я вздрогнула. Почему-то именно от таких мелочей иногда особенно остро чувствуешь жизнь. Не от великих событий. А от пола. От звука чайника. От того, как щёлкает выключатель в ванной, когда ты смотришь на себя в зеркало и не узнаёшь лицо.

В зеркале была я. Вроде бы. Только какая-то вся помятая изнутри. Под глазами темнота, на лбу тонкая складка, волосы как попало. Сорок лет — не старость. Я знаю. Но бывают

дни, когда я чувствую себя не сорокалетней женщиной, а человеком, которого слишком долго использовали как опору и забыли, что опоры тоже трескаются.

Я умылась, собрала волосы, натянула старую кофту и пошла на кухню. Всё, как и думала: кружка, раковина, тишина, остатки вчерашнего дня. И эта кухня... Она давно стала центром моей жизни. Здесь я пью чай, считаю деньги, плачу без звука, отвечаю людям в канале, слушаю детей, думаю о муже, жду сообщений от сына и уговариваю себя продержаться ещё немного.

Я поставила чайник и села на стул у окна.

Иногда утром мне нужно ровно две минуты, чтобы просто посидеть в одиночестве. Ни о чём не говорить. Ни на что не реагировать. Не быть мамой, не быть хозяйкой, не быть той женщиной, которая «всё держит». Просто посидеть, пока дом ещё не проснулся окончательно. Это мои крошечные две минуты свободы. Они ничего не решают, конечно. Но без них я, наверное, совсем бы сдулась.

В соседней комнате заворочался Дима. Потом закашлял во сне. Я сразу напряглась. Любой звук детей теперь мгновенно включает во мне тревогу. Раньше я, может, и не обратила бы внимания. А теперь слушаю всё. Кашель, вздох, шаги, тон голоса. Материнство вообще делает женщину похожей на животное в лесу — всё время настороже, всё время ухом туда, где её детёныш.

Чайник щёлкнул, и я машинально встала. На автомате до-

стала чашку, заварку, остатки сахара. Движения сами знают дорогу лучше меня. Всё утро я обычно живу именно так — на привычке. Потому что если включить чувства слишком рано, можно не вывезти уже к девяти.

Я села с горячей кружкой в руках и вдруг очень ясно подумала: я устала не от одного конкретного несчастья. Я устала от фона. От постоянного напряжения. От того, что у меня нет ни одного участка жизни, где можно было бы просто расслабиться и не ждать удара.

Деньги — напряжение.

Старший сын — напряжение.

Муж — отдельная боль.

Карина — тревога и нежность вперемешку.

Дима — любовь и вечный страх не добавить.

Работа — физическая усталость.

Блог — необходимость держать лицо.

Телефон — источник новостей, которых боишься.

Даже сон уже не отдых, а просто пауза между нагрузками.

Я иногда читаю, как люди пишут: «Надо заботиться о себе». Смешно. Правда. Забота о себе в моей жизни сейчас — это если я успела выпить чай не холодным. Если села хотя бы на десять минут. Если не сорвалась на детей. Если не расплакалась в автобусе. Вот и весь мой велнес.

Из комнаты снова слышалось:

— Ма-а-ам...

И всё. Утро началось по-настоящему.

— Иду, — ответила я.

Голос у меня с утра всегда хриплый, будто я не спала, а спорила ночью с собственной судьбой.

Дима сидел на кровати, сонный, тёплый, волосы дыбом. Маленький, родной, мой. И вот в такие секунды, как бы мне ни было плохо, сердце всё равно делает это своё материнское движение навстречу. Потому что можно устать от жизни, от быта, от бедности, от ожидания — но не от того, как маленький сын смотрит на тебя сразу после сна, будто ты и есть весь мир.

— Доброе утро, — сказала я.

— Я не хочу в садик, — ответил он сразу.

Конечно.

Я присела рядом.

— Я тоже много чего не хочу.

Он подумал.

— Тогда не пойдём?

И смотрит серьёзно, без подвоха. Как будто решение действительно можно принять вот так просто: не хотим — не идём. Мне бы его уверенность.

— Надо, зайчик.

Он сразу надулся и отвернулся. А у меня кольнуло внутри. Потому что я ведь и правда всё время тащу его туда, куда он не хочет. В садик. В режим. В жизнь, которая не спрашивает ребёнка, готов ли он. И я сама тащу себя туда же.

Пока я одевала его, он ворчал, путался в рукавах, просил

другую майку, потом именно ту машинку, потом пить, потом на ручки. Обычное детское утро. И я вдруг поймала себя на мысли, что в этой обычности есть что-то спасительное. Пока ребёнок спорит из-за машинки, мир ещё не совсем рухнул. Пока он капризничает из-за носков, жизнь остаётся человеческой, а не только страшной.

На кухне он ковырял ложкой кашу, а я уже считала в голове день. Садик. Квартира. Потом, может, ещё одна. Забрать Диму. Купить хлеб. Проверить сообщения. Не забыть ответить Карине. Посмотреть, что там с деньгами. И не думать, не думать с утра лишний раз о том, что сердце и так думает без разрешения.

Я посмотрела в окно. Серость потихоньку становилась светом. Люди шли по своим делам. Машины ехали. Мир, как ни странно, не останавливался из-за того, что я проснулась уставшей.

Да он вообще ни разу не остановился.

Наверное, в этом и есть взрослая жизнь: тебе может быть очень больно, очень тяжело, очень страшно — но чайник всё равно надо ставить, ребёнка одевать, полы мыть, жить дальше.

Я наклонилась к Диме, поправила ему воротник и тихо сказала:

— Давай, мой хороший. Проживём ещё один день.

Он, конечно, не понял.

А я поняла слишком хорошо.

Глава 2. Деньги кончились ещё вчера

Деньги у меня никогда не кончаются красиво.

Никакого драматичного последнего платежа, никакой финальной покупки, после которой можно театрально развесть руками и сказать: «Ну всё». Нет. У меня всё прозаичнее. Деньги просто однажды становятся слишком маленькими для жизни. Как свитер после стирки — вроде ещё есть, а уже не налезает на то, что нужно.

Они кончились ещё вчера.

Точнее, не совсем кончились. На карте что-то там осталось. Смех один, а не деньги. Такая сумма, которая существует только технически. Купить на неё можно либо хлеб и молоко, либо проезд и что-нибудь одно из детского. Всё. А жизнь-то не состоит из «что-нибудь одного». Ей всегда подавай список.

Я смотрела в приложение банка, как будто если обновить экран пять раз подряд, цифры изменятся из жалости. Не изменились, конечно. Деньги вообще очень бесчувственная материя. Им всё равно, сколько у тебя детей, сколько ты спала, сколько раз за день сглотнула ком в горле. Цифра стоит — и стой.

На кухне пахло вчерашним чаем и детской кашей. Дима

уже ушёл в садик, и дома на несколько минут стало тихо. Я села с телефоном в руках и снова уставилась в экран. Вот так, наверное, и выглядит бедность по-настоящему — не рваные колготки и не пустой шкаф, а взрослая женщина, которая с утра сидит на кухне и решает, что из необходимого сегодня более необходимое.

Хлеб купить надо.

Молоко надо.

Проезд нужен.

Порошок почти закончился.

У Димы печенье тоже на исходе.

И Карина вчера говорила, что шампунь почти всё.

А ещё мне нужны были прокладки, но это я автоматически отодвинула в конец списка. Женщинам вообще очень легко откладывать себя, особенно когда дома дети. Мы умеем делать это так быстро, что уже даже не замечаем. Не то чтобы жертва. Скорее рефлекс.

«Ладно, потом».

«Потерплю».

«Обойдусь».

«Сначала им».

Вот и вся моя финансовая стратегия.

Я поднялась, достала с полки банку с мелочью. Иногда мне кажется, что эта банка знает обо мне больше, чем любые подруги. В ней звенят мои плохие дни. Мои «перехватить до завтра». Мои «ладно, наскребу». Мои маленькие унижения

перед кассой, когда считаешь в уме быстрее калькулятора.

Высыпала монеты на стол и стала перебирать. Рубль, два, пять, десять. Смешно. Сорок лет, трое детей, а я сижу и раскладываю мелочь по кучкам, чтобы понять, на что сегодня хватит. В такие моменты я не чувствую себя бедной в каком-то литературном смысле. Я чувствую себя просто очень уставшей от постоянной нехватки.

Бедность — это не только отсутствие денег. Это ещё и отсутствие свободы. Свободы не думать о каждой мелочи. Не вздрагивать от слова «скидка». Не выбирать между своим и детским. Не ходить по магазину как по минному полю, где каждый ценник может испортить тебе настроение.

Я не помню, когда в последний раз покупала что-то просто потому, что захотела. Не потому что надо. Не потому что срочно. Не потому что на замену старому. А именно захотела. Крем. Кофту. Нормальный кофе. Хоть что-нибудь маленькое и не оправданное необходимостью.

Наверное, давно.

Но хуже всего не это. Хуже всего — чувство вины. Когда у тебя дети, каждая нехватка кажется твоим личным провалом. Даже если головой ты понимаешь, что делаешь всё, что можешь. Всё равно внутри сидит это противное:

не дотянула,
не обеспечила,
не предусмотрела,
не выкрутилась.

Хотя я выкручиваюсь постоянно. Просто жизнь в последнее время крутит сильнее.

Я открыла холодильник. Молоко на донышке. Яйца есть. Кусок масла. Остатки супа. Что-то можно ещё собрать. Я вообще стала мастерицей собирать еду из воздуха, усталости и половины луковицы. Из этого хоть диплом выдавай. Но дипломами детей не кормят.

Телефон пискнул. Сообщение от Карины:

«Мам, если что, мне на пары завтра нужны распечатки.»

Я закрыла глаза на секунду.

Распечатки — это мелочь. Я понимаю. Но бедность и состоит из мелочей, которые бьют точно в нерв. Не потому что дорого. А потому что не вовремя. Всё всегда не вовремя.

Я ответила:

«Поняла»

И больше ничего. Не писать же дочери: «У меня последние копейки, подожди, пока мать не продаст душу за куриный суп и проезд». Дети и так много видят. Иногда даже слишком.

Я накинула куртку и пошла в магазин. Не люблю такие походы. Когда заходишь не как человек, который выбирает продукты, а как бухгалтер своей бедности. Ходишь между полками и всё время вычитаешь, вычитаешь, вычитаешь. Не из корзины — из жизни.

Хлеб — да.

Молоко — да.

Шампунь — нет, ещё потерпим.

Печенье Диме — маленькую пачку.

Себе кофе? Даже не смешно.

Порошок? Не сейчас.

Фрукты? Только если поштучно.

На кассе я всегда собираюсь в комок. Даже если сумма ожидаемая. Даже если всё просчитала. Всё равно внутри появляется это мелкое унижительное напряжение: лишь бы хватило, лишь бы не выкладывать что-то обратно, лишь бы кассирша не смотрела с тем равнодушно-усталым лицом, от которого хочется провалиться.

Хватило.

Но почти впритык.

Я вышла на улицу с пакетом, который был лёгкий по весу и тяжёлый по смыслу. Вот она, моя взрослая жизнь: тащу хлеб, молоко и дешёвое печенье так, будто это трофеи. И ведь в каком-то смысле так и есть. Потому что в такие дни даже маленькая покупка — уже победа.

На остановке села на лавку и вдруг поняла, что не хочу домой прямо сейчас. Не потому что дома плохо. Нет. Просто дома снова начнётся всё то, что и так не заканчивается: мысли, дела, звонки, напряжение. А на остановке я пока просто женщина с пакетом и холодными руками. Не мать, не уборщица, не блогер, не опора.

Правда, недолго.

Я посмотрела на прохожих и подумала, как мало мы знаем друг о друге. Вот идёт женщина в светлом пальто — может, у неё всё хорошо. А может, она тоже утром считала мелочь. Вот мужчина с кофе в стакане — может, просто спешит. А может, у него внутри такая же дыра. Мы все ходим по городу с обычными лицами, а внутри у каждого свой обвал.

Только у бедности есть одна особенность: она быстро отучает мечтать крупно. Ты перестаёшь думать про отпуск, красивую посуду, новую мебель, спокойное будущее. Мечты сжимаются до смешного:

чтобы хватило до конца недели,

чтобы не заболеть,

чтобы не сломалась стиралка,

чтобы ребёнку не понадобилось срочно что-то дорогое.

И в какой-то момент это становится нормой. Вот это самое страшное — не отсутствие денег, а привыкание к суженной жизни.

Я пришла домой, поставила пакет на стол и долго смотрела на него. Хлеб, молоко, печенье. Вот и всё. И вдруг так захотелось, чтобы кто-то был рядом и сказал:

— Ничего, Лена. Сейчас тяжело, потом отпустит.

Не деньги даже дал. Не решение принёс. А просто разделил бы со мной этот момент. Эту унижительную маленькую победу над кассой, над нехваткой, над собственным отчаянием.

Но рядом никого не было.

Я разложила покупки, налила себе чай и села.
Деньги кончились ещё вчера.
А сегодня надо было жить так, будто нет.
И я, конечно, буду. Куда мне деваться.

Глава 3. Сын собирает вещи

Есть звуки, которые потом навсегда остаются внутри. Шуршание пакета. Щелчок молнии на сумке. Скрип дверцы шкафа.

Сын собирал вещи. А я весь день ходила мимо его комнаты так, будто там лежит не одежда, не документы, не зарядка, а что-то живое и опасное. Когда я вернулась после работы, сумка уже стояла у стены. Обычная дорожная сумка. Тёмная. Ничего особенного. Но я смотрела на неё, как на врага. На кухне мы сидели втроём: я, Карина и он. Чайник шумел, кружки остывали, а разговор всё не начинался. — Ты всё взял? — спросила я. Будто вопрос о вещах мог хоть что-то спасти. Он кивнул. Я положила рядом тёплые носки. — Это тоже возьми. Потом Дима вбежал на кухню в пижаме, залез брату на колени и спросил: — Ты куда? — По делам, — ответил тот. Когда мы остались вдвоём, я сказала самое страшное: — Мне очень страшно. И тогда заплакала. Не красиво, не тихо, не как в кино. А как плачут уставшие женщины, которые слишком долго держались. Потом достала маленький крестик и старую иконку. — Возьми. Утром, когда за ним закрылась дверь, я стояла в прихожей и смотрела на эту дверь так, будто она разделила мою жизнь на «до» и «после». А потом надо было жить дальше. Потому что в комнате проснулся Дима. Потому что Карина спросила, будем ли

мы завтракать. Потому что телефон зазвонил. И потому что жизнь не останавливается даже тогда, когда у тебя внутри всё остановилось. Есть слова, которые мы произносим каждый день, не задумываясь. «Работа», «магазин», «ужин», «погода». Но есть слова, которые врезаются в сердце, как осколки стекла. Раньше я слышала его по телевизору, читала в новостных лентах, обсуждала с коллегами — отстраненно, как нечто, происходящее в параллельной реальности. Но всё изменилось в тот день, когда мой сын сказал: «Мам, я ухожу». С того момента это слово перестало быть аббревиатурой из новостей. Оно стало моей личной болью, моим ежедневным кошмаром и моей бесконечной молитвой. Когда сын ушел, мир вокруг не остановился. Люди продолжают ходить на работу, смеяться в кафе, планировать отпуска. А я живу в режиме ожидания. Мой телефон стал моим алтарем. Я смотрю на него, когда просыпаюсь, когда готовлю завтрак, когда пытаюсь уснуть. Каждый входящий звонок — это удар сердца в горле. Каждое сообщение — это надежда, смешанная со страхом. Мне больно от самого звука этих букв. В них для меня — холод окопов, тяжесть бронежилета, свист ветра в поле и та неизвестность, которая съедает изнутри. Я смотрю на его детские фотографии, на те, где он еще совсем мальчишка, и не могу сопоставить того ребенка с тем мужчиной, который сейчас там, где стреляют. Меня часто спрашивают о моем отношении к происходящему. Но что я могу ответить? У матери нет политики. У матери есть только сын. Моя по-

зиция проста и страшна в своей прямоте: я хочу, чтобы мой ребенок был жив. Я хочу, чтобы он вернулся домой, сел за наш кухонный стол, обнял меня и сказал: «Мам, я дома, всё закончилось». Эта боль — она не дает дышать полной грудью. Она как невидимый груз, который ты носишь на плечах 24 часа в сутки. Ты улыбаешься соседям, ты отвечаешь на вопросы коллег, но внутри тебя — бесконечный вой. Ты постоянно прокручиваешь в голове сценарии, ты пытаешься «наколдовать» ему безопасность силой своей любви. Как жить дальше? Я знаю, что я не одна. Нас, таких матерей, тысячи. Мы узнаем друг друга по глазам — в них всегда застывшая тревога, даже если на губах дежурная улыбка. Мы объединяемся в группы, мы поддерживаем друг друга, мы делимся крохами новостей. Это наше единственное спасение — знать, что ты не одна несешь этот крест. Я пишу это не для того, чтобы вызвать жалость. Я пишу это, потому что молчать стало невыносимо. Пусть это будет крик в пустоту, но, может быть, кто-то, прочитав эти строки, поймет, что за каждой сводкой новостей, за каждым сухим заголовком стоят живые люди. Стоят матери, чьи сердца разрываются на части. Сын, я жду тебя.

Глава 4. Муж далеко Иногда мне говорят — Ну у тебя же муж есть. И я каждый раз не знаю, как на это ответить. Потому что по документам, по памяти, по старым фотографиям — да, есть. А по жизни пока нет Муж далеко и не рядом Человек есть и одновременно его нет. Он где-то живёт свою жизнь, а вечером никто не спросит меня — Ты чего такая? Никто не поведёт Диму в садик Никто не скажет — Я разберусь Сначала было много всего: злость, обида, жалость, любовь, ненависть С детьми это отсутствие чувствуется

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.